

Температура резко упала — до Рождества оставались считанные дни.

Кто-то из коллег украсил своё рабочее место милыми подвесками с колокольчиками и снежинками. Су Ю на мгновение замер, заворожённо разглядывая эти незамысловатые игрушки.

Он никогда не праздновал Рождество: этот день был днём памяти его родителей.

Тогда ему исполнилось всего девять. Когда пришло страшное известие, мальчик даже не сразу понял, что произошло. Вокруг рыдали родственники, а он лишь застыл с отстранённым, заторможенным видом. Лишь ночью, когда толпа сочувствующих наконец разошлась, скорбь прорвалась наружу: Су Ю забился в истерике и проплакал до самого утра, едва не доведя себя до обездвиживания.

Он вообще во всём был нетороплив — даже горечь утраты осознавал с задержкой, словно с запаздывающим эхом.

Сначала его отправили к бабушке в Посёлок Ароматных Благовоний — уютный городок, славившийся своими цветочными плантациями. Там он пробыл три года. Но здоровье бабушки пошатнулось, и мальчика перепоручили тётушке, Лю Цинь. Так он и рос в её семье вместе с троюродным братом, Се Цзяньчу, который был младше его всего на пару месяцев.

Жизнь в чужом доме не назовёшь сладкой, поэтому приближение Рождества всякий раз отзывалось в его душе глухой болью.

Сверившись с календарём, Су Ю увидел, что памятная дата выпадает на четверг. Немного подумав, он решил отпроситься на полдня.

Переведя дух, юноша глубоко вздохнул и постучал в кабинет Президента Фу. Через пару секунд из-за двери донеслось сдержанное, гулкое: «Войдите».

Просторный кабинет Фу Линьчжоу был выдержан в строгой чёрно-белой гамме. От этого минималистичного интерьера веяло той же прохладной отстранённостью, что и от самого хозяина.

Робко переступив порог, Су Ю забормотал, заплетающимся от волнения языком:

— Президент Фу... можно мне в четверг утром взять отгул на полдня?

Фу Линьчжоу ещё не успел толком запомнить нового сотрудника. Его пронзительный взгляд задержался на лице юноши. Су Ю уже занервничал, гадая, не стоит ли напомнить своё имя, как начальник сухо произнёс:

— Хорошо.

Никаких расспросов о причинах — голос звучал ровно, холодновато и совершенно безразлично.

Су Ю смущённо замер и, потупив взор, тихо выдохнул:

— Спасибо, Президент Фу.

— Выясни, как продвигается подготовка к новогодней промо-акции, — добавил Фу Линьчжоу.

Су Ю тут же подтянулся:

— Я только что звонил в отдел: Менеджер Чжао заверил, что они уже связываются с рекламным агентством.

Фу Линьчжоу оторвал взгляд от документов, слегка удивлённый такой исполнительностью. Мальчик стоял у самого входа, в нескольких метрах от массивного рабочего стола, и говорил так тихо, что слова едва можно было разобрать.

«Вечно этот парень выглядит так, словно его сейчас напугают до смерти».

Президент Фу впервые по-настоящему присмотрелся к новому младшему ассистенту. Перед отпуском Яо Юй говорила, что нашла отличного парня, недавно прошедшего испытательный срок, который сможет временно её подменить. Фу Линьчжоу тогда особо не вникал и просто дал добро.

А на следующее утро обнаружил за столом Яо Юй непоседу с мягкими кудряшками. Тот то и дело что-то трогал, рассматривал, крутился по сторонам с видом любопытного зверька. Но стоило ему завидеть босса, как он от испуга тут же подхватывался, пряча дрожащие руки за спину.

Первое впечатление о Су Ю сложилось нехитрое: совсем юный, голосок тихий, чуть что — начинает заикаться, тощий, бледный до синевы, хоть и с милыми детскими щёчками, а в строгом костюме выглядит так, будто стянул одежду с чужого плеча.

Фу Линьчжоу полагал, что тот окажется в лучшем случае просто послушным и исполнительным, однако парень проявил удивительную въедливость и аккуратность в делах. Неудивительно, что Яо Юй так уверенно его порекомендовала.

— Отлично, я понял, — резюмировал Фу Линьчжоу.

Су Ю быстро поклонился и поспешил удалиться.

Покончив с работой, Су Ю заглянул в супермаркет, купил коробочку молока с рисовым треугольником на ужин и отправился домой. Лишь переступив порог съёмного жилья, он с ужасом обнаружил, что утренний сбой памяти дорого ему обошёлся: перед уходом он забыл выключить кондиционер.

Комната превратилась в настоящую парилку. Вдобавок у древнего прибора забилась трубка для конденсата, и вся скопившаяся вода хлынула прямо на пол. Су Ю торопливо выключил дребезжащий агрегат, вытер лужу и поставил под течь пластиковый тазик.

Раздался звонок от тётушки, Лю Цинь. На том конце провода поинтересовались, почему Се Цзяньчу до сих пор не вернулся домой, а заодно спросили, как младший брат обустроился в компании.

— Наверное, загулял с друзьями, — вздохнул Су Ю. — У него всё в порядке, освоился быстро.

— Вот и славно, — напутствовала Лю Цинь. — Ты ведь старше, так что смотри, заботься о брате как следует.

Взгляд Су Ю потускнел.

— Понял, — тихо отозвался он.

Повесив трубку, юноша долго сидел в одиночестве, гипнотизируя взглядом ритмично падающие в таз капли. Звонкая капель сопровождала его всю ночь, но, странное дело, несколько не раздражала. Су Ю вообще обладал редким даром терпеть любые неудобства.

«Заботиться о брате...»

Се Цзяньчу в его заботе ни капли не нуждался. У него и так всё складывалось отлично: чужое благополучие буквально строилось на чужой боли, и тот искренне наслаждался жизнью. Единственным, кому было по-настоящему паршиво, оставался сам Су Ю. Вот только до этого никому не было дела.

Незаметно подкрался четверг. Открыв глаза, Су Ю несколько минут просидел в прострации, пытаясь сообразить, какой сегодня день, а затем резко подорвался с кровати. Быстро умылся, выскочил на улицу, перехватил у ближайшего киоска букет свежих цветов и сел на автобус до

кладбища.

Поутру народу там хватало, однако у скромных могил его родителей царила полная тишина. Су Ю подошёл ближе, опустился на корточки и бережно положил цветы. Каждый год он приходил сюда, чтобы просто посидеть рядом и поболтать с теми, кого потерял.

— Папа, мама, я пришёл...

Он аккуратно протёр рукавом портреты на надгробии и едва слышно произнёс:

— У меня для вас хорошая новость: меня официально приняли в штат! В ту самую Компанию Спокойного Взлёта — помните, я рассказывал вам о ней? Мечтал туда попасть, это же потрясающая IT-компания. Сейчас мне платят больше семи тысяч юаней. За аренду отдаю тысячу шестьсот, на жизнь уходит около тысячи, так что в месяц получается откладывать тысячи четыре.

Су Ю принялся увлечённо загибать пальцы:

— Если ещё немного поднакопить... Да если ещё чуть-чуть...

Но тут же вспомнил про поднебесные цены на недвижимость в Нинцзяне и мгновенно сдулся:

— Хотя, похоже, даже с такими накоплениями на собственное жильё тут не заработаешь...

Он горько усмехнулся, пытаясь подбодрить самого себя:

— Ну и ладно! Сколько отложится — всё моё. Главное, что когда-нибудь у меня обязательно появится свой собственный угол... Мама, я тут снова простудился. Последние дни хожу совсем варёный, в голове туман, нос заложен... А ещё я больше не хочу общаться с тётушкой и её семьёй. Они совсем не добрые.

Он замолчал, прогоняя подступивший к горлу ком, а потом тихо продолжил:

— Мам... я ведь ещё в прошлом году рассказывал тебе, что мне безумно, просто до беспамятства нравится один человек. Ты не поверишь, но теперь я работаю совсем рядом с ним! Даже не знаю, откуда во мне столько везения... Правда, он, кажется, даже имени моего не помнит. Но я ведь ничего и не жду. Просто знать, что он где-то рядом, и хранить этот образ в сердце — уже огромное счастье.

На самом деле Фу Линьчжоу никогда не был для Су Ю чужаком.

Впервые он увидел его два года назад на студенческом форуме по предпринимательству в Нинцзянском университете информационных технологий. Фу Линьчжоу тогда выступал в качестве приглашённого спикера от бизнес-элиты. Ему было двадцать пять, а Су Ю — всего двадцать.

В зале яблоку негде было упасть. Ещё до начала мероприятия помещение гудело от восторженного шёпота и непрерывного щёлканья затворов фотоаппаратов.

Фу Линьчжоу восседал в безупречно сшитом чёрном костюме, выглядя невероятно статно и аристократично. В его породистых чертах, чёткой линии подбородка и ледяном спокойствии ощущалась особая, почти недостижимая грация — он словно принадлежал совершенно иному миру.

Перед самым стартом лекции Су Ю как активиста студенческого совета отправили расставить таблички с именами.

Фу Линьчжоу непринуждённо сидел за столом, положив руки на полированную столешницу. Его длинные, сухие пальцы с отчётливыми костяшками выглядели воплощением мужской силы и изящества.

Су Ю от волнения замедлил каждое движение, панически боясь случайно задеть гостя.

Заметив суету, Фу Линьчжоу слегка повернул голову, встретился с ним взглядом и ровно проговорил:

— Спасибо.

Голос его звучал бархатисто, низко и глубоко.

Су Ю затаил дыхание. Успев лишь краешком глаза уловить этот пронзительный взор, он сжал губы, чувствуя, как стремительная волна жара захлёстывает шею и заливает пунцовой краской самые кончики ушей.

Дальнейшее выступление Фу Линьчжоу прошло на одном дыхании. Когда он увлечённо заговорил об индустрии «умного дома», его глаза вспыхнули такой страстной уверенностью и азартом, что весь зал оказался буквально заворожён.

И Су Ю, разумеется, вместе со всеми.

Но в самом разгаре речи произошла накладка: презентация на большом экране неожиданно

погасла, явив студентам траурно-чёрный монитор.

Су Ю сметливой тенью бросился к ноутбуку. То ли от дикого мандража, то ли от отчаянного желания проявить себя перед кумиром, но простейшая задача превратилась в неразрешимую головоломку. Руки не слушались, клавиши путались, а экран упорно не желал оживать.

Когда юноша был уже на грани паники и готов вот-вот расплакаться, над ним склонилась высокая фигура.

— Не нервничай, всё в порядке, — мягко шепнул ему на ухо Фу Линьчжоу. — Мне слайды не требуются.

Су Ю подскочил, виновато подняв на него полные слёз глаза.

— Возвращайся на место, не переживай, — Фу Линьчжоу ободряюще коснулся его плеча.

Его едва уловимая, тёплая улыбка окончательно лишила Су Ю дара речи. Юноша на негнувшихся ногах поднялся со стула, но, едва ступив на ступеньку, обернулся и увидел, как Фу Линьчжоу непринуждённо ударил пару раз по клавишам — и презентация мгновенно восстановилась.

Су Ю готов был провалиться сквозь землю и закрыл лицо руками.

Ну конечно! Фу Линьчжоу ведь первоклассный программист, лучший выпускник первой Нинцзянской школы, гордость естественного потока и победитель национальных олимпиад по кодингу! А он, глупый, решил блеснуть перед ним познаниями, да ещё и так опозорился...

Вернуться в зал у него не хватило духа, поэтому остаток лекции он простоял за кулисами, впитывая каждое слово. Когда всё закончилось, Су Ю попытался пробиться сквозь толпу, чтобы хотя бы мельком снова увидеть своего кумира, но время Фу Линьчжоу ценилось слишком дорого — тот ушёл незамедлительно. Су Ю достался лишь его удаляющийся силуэт.

Фу Линьчжоу шагал к выходу из лектория. Снаружи буйствовало яркое дневное солнце, и в глазах влюблённого юноши фигура мужчины словно растворялась в ослепительном, сотканном из света сне.

Этот образ отпечатался в памяти Су Ю на годы, обрастая всё более трепетными подробностями. Поэтому, окончив университет, он без колебаний выбрал Компанию Спокойного Взлёта.

А во время оформления документов снова увидел Его. Фу Линьчжоу выходил из лифта в сопровождении свиты, строгий и статный, будто сошедший с кадров дорогого кино.

И что удивительнее всего — он ни капли не изменился со времён той первой встречи. Разве что стал ещё более зрелым, уверенным и неотразимым.

Тайная влюблённость Су Ю вовсе не угасла от времени — напротив, разгорелась с новой, подчас невыносимой силой.

— Мамочка, я просто смотрю на него каждый день — и уже счастлив. Я же понимаю, что у нас нет ни единого шанса...

Спустя долгое время Су Ю поднялся с земли и медленно побрёл прочь с кладбища.

Вторая половина дня прошла в бесконечной веренице телефонных звонков — нужно было подготовить всё к ежемесячному отчётному собранию. Едва закончив с делами, он отправился домой.

У самого дома он столкнулся с Сюй Чуянем.

Чуянь жил в соседней комнате — их маленькую квартиру разделили на два крошечных пенала, которые они снимали уже почти год. Сюй Чуянь был его ровесником и работал барменом в ночном клубе, поэтому их графики катастрофически не совпадали: обычно Су Ю возвращался, а Чуянь только собирался на смену. По вечерам они пересекались крайне редко.

— Ты вроде к четырём выходишь? Чего сегодня так поздно?

— Вчера с перебором выпил, — Сюй Чуянь покрутил затекшей шеей, сладко потянулся и запер за собой дверь.

На его лице ещё читалась тяжёлая похмельная истома: губы побледнели, взгляд блуждал. Но в следующее мгновение он внезапно замер и впился пристальным взглядом в лицо Су Ю.

Су Ю от неожиданности аж отшатнулся:

— Ты чего?

— Сяо Ю, ты что, влюбился? Что это у тебя щёки пылают?

Су Ю мгновенно вспомнил свои греховные фантазии в вагоне метро и смущённо уткнулся носом в грудь:

— Вовсе нет... У меня просто простуда и жар.

Судорожно отперев замок, он юркнул к себе, а вслед ему донёлся сдавленный, насмешливый смешок Сюй Чуяня.

Прислонившись спиной к закрытой двери, Су Ю попытался привести в порядок растрёпанные мысли. В метро ему снова мерещились картины, совершенно не предназначенные для чужих ушей...

Вспомнив сдержанную суровость Фу Линьчжоу, юноша сгорел от стыда. Чтобы хоть как-то отвлечься от смущения, он подхватил пакет с сухим кормом, миску, бутылку воды и побежал во двор.

Около дома обитала целая стайка бродячих мурлык: пушистая трёхцветка и пара пёстрых черепаховых кошек.

Су Ю подманил их привычным «кс-кс», и коты тут же облепили его ноги. А самая ласковая трёхцветка победно задрала хвост-трубу и принялась усердно тереться мордочкой о его колено.

От их мягкого мурлыканья у Су Ю даже головная боль немного улеглась.

У него с детства была привычка экономно выкраивать копеечку, чтобы подкормить бездомных зверушек. Теперь же, когда появился собственный заработок, он и вовсе закупил несколько огромных мешков корма.

Ради них он готов был во всём ужиматься. Хотя сам перебивался с хлеба на воду и скитался по чужим углам, сердцу его было нестерпимо жаль эти ничьи живые души.

В его туманных детских воспоминаниях мама поступала точно так же.

Лик матери почти изгладился из памяти — остался лишь светлый образ: закатное солнце, он возвращается из начальной школы и издалека видит, как мама в бежевом вязаном кардигане сидит на корточках во дворе, окружённая плотным кольцом пушистых попрошаек.

Су Ю помнил её слова: у каждого маленького зверька есть своя душа.

Он потрепал рыжеватую мордочку трёхцветки, тяжело вздохнул и тихо шепнул:

— Эх вы, усатые... Я столько лет добрые дела делаю, кормлю вас от пуза, так что вы уж постарайтесь, вымолите мне у небес прощение! Проследите, чтобы меня громом не поразило за эти непристойные сны, ладно?

Он смущённо шмыгнул носом и добавил:

— Обещаю: больше никаких не потребств мне сниться не будет!

<http://bllate.org/book/19597/1934445>